

Расул Тамзатов

ПОКУДА ВЕРТИТСЯ ЗЕМЛЯ

МУХТАР-АГА

Посвящается Мухтару Ауэзову

Однажды возле очага
Сидели в полдень мы январский,
И прочитал, Мухтар-ага,
Тебе стихи я по-аварски.

И в лад стихов моих проник
Ты, глядя на очажный пламень:
«Напоминает твой язык
Среди камней летящий камень».

Я отвечал: «Немудрено.
Ему до первой филиграни
Когда-то было суждено
Родиться в каменной гортани.

Вместил он около бойниц,
Где черных туч раскатист вымах,
И рокот рек, и клекот птиц,
И лязг клинков непримиримых».

Мерцали синие снега,
Огонь метался красноперо.
И молвил ты, Мухтар-ага:
«Велик Кавказ, но нет простора.

Махни когда-нибудь ко мне,
Там, приобщась к великолепью,
Скакать ты сможешь на коне
Неубывающей степью.

И станут беркуты нам лис
Ловить, кидаясь им на спины.
И буду пить с тобой кумыс
Я за кавказские вершины...»

Тянь-Шаня горные луга
Проснулись в утреннем тумане.
Я прилетел, Мухтар-ага,
Но мы не встретимся, как ране.

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Сегодня, предвечернею порою,
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определенным строем,
Как по полям людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?

Летит, летит по небу клин усталый –
 Летит в тумане на исходе дня,
 И в том строю есть промежутки малый –
 Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей
 Я поплыву в такой же сизой мгле,
 Из-под небес по-птичьей окликаю
 Всех вас, кого оставил на Земле.

БЕРЕГИТЕ ДРУЗЕЙ

Знай, мой друг, вражде и дружбе цену
 И судом поспешным не греши.
 Гнев на друга, может быть, мгновенный,
 Изливать покуда не спеши.

Может, друг твой сам поторопился
 И тебя обидел невзначай.
 Провинился друг и повинился –
 Ты ему греха не поминай.

Люди, мы стареем и ветшаем,
 И с теченьем наших лет и дней
 Легче мы своих друзей теряем,
 Обретаем их куда трудней.

Если верный конь, поранив ногу,
 Вдруг споткнулся, а потом опять,
 Не вини его – вини дорогу
 И коня не торопись менять.

Люди, я прошу вас, ради бога,
 Не стесняйтесь доброты своей.
 На земле друзей не так уж много:
 Опасайтесь потерять друзей.

Я иных придерживался правил,
 В слабости усматривая зло.
 Скольких в жизни я друзей оставил,
 Сколько от меня друзей ушло.

После было всякого немало.
 И, бывало, на путях крутых
 Как я каялся, как не хватало
 Мне друзей потерянных моих!

И теперь я всех вас видеть жажду,
 Некогда любившие меня,
 Мною не прощенные однажды
 Или не простившие меня.

СЛОВО О МАТЕРИ

Трудно жить, навеки Мать утратив.
 Нет счастливей нас, чья мать жива.
 Именем моих погибших братьев
 Вдумайтесь, молю, в мои слова.

Как бы ни манил вас бег событий,
 Как ни влек бы в свой водоворот,
 Пуще глаза маму берегите,
 От обид, от тягот и забот.

Боль за сыновей, подобно мелу,
 Выбелит ей косы добела.
 Если даже сердце очерствело,
 Дайте маме капельку тепла.

Если сердцем стали вы суровы,
 Будьте, дети, ласковее с ней.
 Берегите мать от злого слова.
 Знайте: дети ранят всех больней!

Если ваши матери устали,
 Добрый отдых вы им дать должны.
 Берегите их от черных шалей,
 Берегите женщин от войны!

Мать умрет, и не изгладить шрамы,
 Мать умрет, и боли не унять.
 Заклинаю: берегите маму,
 Дети мира, берегите мать!

* * *

Дорогая моя, мне в дорогу пора,
 Я с собою добра не беру.
 Оставляю весенние эти ветра,
 Щебетание птиц поутру.

Оставляю тебе и сиянье луны,
 И цветы в тляротинском лесу,

ЕСТЬ ГЛАЗА У ЦВЕТОВ

С целым миром спорить я готов,
 Я готов поклясться головою
 В том, что есть глаза у всех цветов,
 И они глядят на нас с тобою.
 Помню, как-то я в былые дни
 Рвал цветы для милой на поляне,
 И глядели на меня они,
 Как бы говоря: «Она обманет».
 Я напрасно ждал, и звал я зря,
 Бросил я цветы, они лежали,
 Как бы глядя вдаль и говоря:
 «Не виновны мы в твоей печали».
 В час раздумий наших и тревог,
 В горький час беды и неудачи
 Видел я, цветы, как люди плачут,
 И росу роняют на песок.

Мы уходим, и в прощальный час
 Провожая из родного края,
 Разные цветы глядят на нас,
 Нам вослед головками кивая.
 Осенью, когда сады грустны,
 Листья на ветвях желты и гладки,
 Вспоминая дни своей весны,
 Глядя вдаль, цветы грустят на грядке.

Кто не верит, всех зову я в сад,
 Видите, моргая еле-еле,
 На людей доверчиво глядят
 Все цветы, как дети в колыбели.
 В душу нам глядят цветы земли,
 Добрым взглядом всех, кто с нами рядом.
 Или же потусторонним взглядом
 Всех друзей, что навсегда ушли.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Всегда во сне нелепо всё и странно.
 Приснилась мне сегодня смерть моя.
 В полдневный жар в долине Дагестана
 С свинцом в груди лежал недвижно я.

Звенит река, бежит неукротимо.
 Забытый и не нужный никому,

Я распластался на земле родимой
 Пред тем, как стать землею самому.

Я умираю, но никто про это
 Не знает и не явится ко мне,
 Лишь в вышине орлы клекочут где-то
 И стонут лани где-то в стороне.

И чтобы плакать над моей могилой
 О том, что я погиб во цвете лет,
 Ни матери, ни друга нет, ни милой,
 Чего уж там – и плакальщицы нет.

Так я лежал и умирал в бессилье
 И вдруг услышал, как невдалеке
 Два человека шли и говорили
 На мне родном, аварском языке.

В полдневный жар в долине Дагестана
 Я умирал, а люди речь вели
 О хитрости какого-то Гасана,
 О выходках какого-то Али.

И, смутно слыша звук родимой речи,
 Я оживал, и наступил тот миг,
 Когда я понял, что меня излечит
 Не врач, не знахарь, а родной язык.

Кого-то исцеляет от болезней
 Другой язык, но мне на нем не петь,
 И если завтра мой язык исчезнет,
 То я готов сегодня умереть.

Я за него всегда душой болею,
 Пусть говорят, что беден мой язык,
 Пусть не звучит с трибуны ассамблеи,
 Но, мне родной, он для меня велик.

И чтоб понять Махмуда, мой наследник
 Ужели прочитает перевод?
 Ужели я писатель из последних,
 Кто по-аварски пишет и поёт?

Я жизнь люблю, люблю я всю планету,
 В ней каждый, даже малый уголок,
 А более всего Страну Советов,
 О ней я по-аварски пел как мог.

Мне дорог край цветущий и свободный,
От Балтики до Сахалина – весь.
Я за него погибну где угодно,
Но пусть меня зароят в землю здесь!

Чтоб у плиты могильной близ аула
Аварцы вспоминали иногда
Аварским словом земляка Расула –
Преемника Гамзата из Цада.

* * *

С годами изменяемся немало.
Вот на меня три женщины глядят.
– Ты лучше был, –
одна из них сказала.
Я с ней встречался десять лет назад.

Касаясь гор заснеженного края,
Вдали пылает огненный закат.
– Ты все такой же, –
говорит вторая,
Забытая пять лет тому назад.

А третья, рук не размыкая милых,
Мне жарко шепчет, трепета полна:
– Ты хуже был...
Скажи, что не любил их...
Каким я был, не ведает она.

* * *

– Скажи, каким огнем был рад
Гореть ты в молодости, брат?
– Любовью к женщине!

– Каким, не избежав потерь,
Горишь огнем ты и теперь?
– Любовью к женщине!

– Каким, ответь, желаешь впредь
Огнем пожизненно гореть?
– Любовью к женщине!

– Чем дорожишь ты во сто крат
Превыше славы и награды?
– Любовью женщины!

– Чем был низвергнут, как поток,
И вознесен ты, как клинок?
– Любовью женщины!

– С чем вновь,
как рок ни прекословь,
Разделишь не на срок любовь?
– С любовью женщины!

– А с чем, безумный человек,
Тогда окончится твой век?
– С любовью женщины!

